
ГІСТОРЫЯ

УДК 902.2:378(476.7)

Александр Александрович Башков

*канд. ист. наук, доц., доц. каф. истории славянских народов
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина*

Aliaksandr Bashkou

*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of the History of Slavic Peoples
at the Brest State A. S. Pushkin University*

e-mail: bashkow@mail.ru

РАЗВИТИЕ ШЛЯХЕТСКИХ УСАДЕБ И РЕЗИДЕНЦИЙ НА ЮГО-ЗАПАДЕ БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ XVI–XIX ВВ.

Рассматривается функциональное, пространственно-планировочное, архитектурное развитие шляхетских усадеб и резиденций в контексте исторических процессов XVI–XIX вв., имевших место на юго-западе Беларуси. Уделяется внимание экономическим, политическим и культурным факторам, повлиявшим на изменение роли усадебных и резиденционных комплексов в культурном ландшафте исследуемого региона.

Ключевые слова: *усадьба, резиденция, архитектура, шляхта, Новое время.*

Development of the Noble Estates and Residences in the South-West of Belarus in the Context of Historical Transformations of the XVI–XIX Centuries

The article discusses the functional, spatial planning, architectural development of gentry estates and residences in the context of the historical processes of the XVIth and XIXth centuries that took place in the south-west of Belarus. Attention is paid to economic, political and cultural factors that influenced the change in the role of estate and residential complexes in the cultural landscape of the region under study.

Key words: *manor, residence, architecture, gentry, New time.*

Введение

Шляхетская усадьба как один из важнейших элементов социально-политической, экономической и культурной жизни белорусских земель XVI–XIX вв. занимает одно из основных звеньев в системе функционирования всего общества. Являясь закономерным результатом общественного развития служилого сословия, усадьба и резиденция стали своего рода материальным воплощением его эволюции, где аккумуляровались и транслировались в окружающий мир многие технические, экономические и культурные достижения социума. Для более объективного понимания всех процессов функционирования этих своеобразных очагов элитарного бытия необходимо проследить эволюцию шляхетских усадеб и резиденций на фоне тех политических, экономических, социальных и культурных процессов, которые протекали на юго-западе Беларуси и сопредельных территориях в период с XVI по XIX в.

Основная часть

Сегодня XVI в. зачастую называют «золотым веком» Великого Княжества Литовского и Королевства Польского. Безусловно, эти государственные объединения обладали значительной военной, политической и экономической мощью, особенно после объединения в Речь Посполитую.

Экономический рост польских и белорусских земель можно связать с рядом территориальных приобретений после победы над Тевтонским орденом и заключением второго Торуньского мира, когда немецкие рыцари были вытеснены из приморских территорий. Все это сказалось на росте международной торговли благодаря функционированию портов в Гданьске и Эльблонге [10, с. 224]. Через развитую систему рек товары распространялись по всему государству. Повышался импорт зерновых в Западную Европу, где наблюдался демографический рост и смена принципов хозяйствования. После второго Торуньского мира

Речь Посполитая стала своеобразным «шпихлером Европы». В этот период импорт зерна стал весьма прибыльным, а цена на него значительно выросла [12, с. 51–54]. В этой системе товарообмена активную роль отыгрывал Буго-Висленский водный путь, который, безусловно, затягивал в сферу своего влияния земли юго-западной Беларуси и северо-западной Украины. Наряду с лесом и лесопродукцией активизировалась торговля солью, которая стала стратегическим сырьем. Важнейший городской центр юго-западных земель ВКЛ Берестье становится крупнейшим пунктом соляного транзита Прибужского региона, где функционировал «шпихлер солный» [4, с. 278–283]. Кроме того, Прибужский регион становится одним из важнейших поставщиков крупного рогатого скота в Центральную и Западную Европу [1, с. 209]. В этот же период возрастает роль Припятско-Днепровского водного пути, а также водных артерий, связывавших юго-западные земли Беларуси с Неманско-Балтийским путем, что позволяло включаться в торгово-транспортное пространство северных и восточных регионов.

Кроме того, на экономику старобелорусских земель в конце XVI в. влияли как внешнеполитические (Ливонская война), так и внутривосточные (принятие Статута ВКЛ 1588 г. и аграрные реформы Бонны Сфорцы) события. В результате одним из знаковых показателей экономического «рывка» стало распространение фольварков как основной, ориентированной на рынок единицы феодального хозяйствования [2, с. 28–30].

Оживление торговли и общий экономический рост в регионе привели к модернизации шляхетских хозяйств, что повлекло смену хозяйствования и появление фольварков с более расширенными посевными площадями и ориентацией не только на уровень обеспечения натуральных потребностей, но и на уровень производства и сбыта на рынке произведенной продукции. В результате происходили изменения в экономике, культуре и обычаях.

В результате развития социально-экономических отношений в конце XVI – первой половине XVII в. в Великом Княжестве Литовском фактически и юридически было оформлено крепостное право, а с конца XVI в. все феодальное сословие стало называться шляхтой. Таким образом, к началу

XVII в. отмечается не только доминирование среднешляхетского землевладения, но и значительное расширение магнатских владений.

Вторая половина XVII – первая половина XVIII в. характеризуется глубоким экономическим кризисом, связанным с чередой военных конфликтов, включая междоусобные столкновения магнатских группировок. Разрушительные войны середины XVII в. принесли катастрофическое сокращение населения (более чем в два раза), сокращение площадей пашни и упадок многих частных хозяйств. Однако западные регионы сегодняшней Беларуси пострадали в меньшей степени в сравнении с восточными и центральными [2, с. 119–122].

Начало XVIII в., озаглавленное событиями Северной войны, также отрицательно сказалось на экономике исследуемого региона, в котором отмечались сильные разрушения и запустение земель. Только крупные землевладельцы с устойчивым финансовым положением могли восстанавливать и далее развивать фольварочные хозяйства, что и отмечалось в западных и центральных регионах Беларуси, менее пострадавших в результате прошедших войн. Такая ситуация имела место на протяжении всей первой половины XVIII в. [2, с. 130–131].

Стабилизация экономики и закономерный рост товарно-денежных отношений, связанный с ростом цен на зерно на европейском рынке, отмечается во второй половине XVIII в. Укрепление внутренних и внешних рыночных связей приводит к оживлению и активизации торговли с использованием водных путей. На долю частновладельческих хозяйств в 80–90-е гг. XVIII в. приходится 66,9 % всего зернового экспорта ВКЛ. Значительная часть феодальных хозяйств на западе Беларуси использовала Неманский водный путь для торговых контактов с г. Крулевец (Кенигсберг, Калининград), а юго-западные территории (земли Берестейщины) по-прежнему активно эксплуатировали путь по рекам Буг и Нарев для доставки товаров в польские торговые центры Гданьск и Эльблонг [2, с. 176]. Положительно отразилось на экономическом развитии юго-западного региона Беларуси строительство пинско-слонимского и пинско-волинского трактов, а также завершение в 1784 г. строительства канала, связавшего

бассейны Немана и Днепра через реки Щару, Ясельду и Припять [6, с. 110].

В этот период наряду с выращиванием зерновых культур в фольварочных хозяйствах активно развивается животноводство (разведение крупного рогатого скота), садоводство, огородничество и промыслы. Эти процессы привели к структурно-планировочному изменению многих помещичьих усадеб и фольварков, где появляются значительные по площади сады, производственные и хозяйственно-складские сооружения: мельницы, винокурни, бровары, спихлеры и т. д. [2, с. 172–173].

Начиная с 20-х гг. XVIII в. на территории Беларуси начинает развиваться мануфактурное производство. Начало этому положили крупные феодалы. Наряду с известными мануфактурами и заводами в Уречье, Налибоках и Слуцке выходят на рынок предприятия, созданные в помещичьих резиденциях Брестчины, например, суконные (в Ружанах) и стеклянные (в Мыши) [6, с. 114].

Таким образом, феодальное хозяйство белорусских земель второй половины XVIII в. представляло собой многоотраслевой комплекс, где комбинировались сельское хозяйство, перерабатывающие промыслы и развивалось местное производство.

События конца XVIII в. и поглощение белорусских территорий Российской империей привело к постепенной трансформации социально-экономических отношений. Экономика белорусских земель становилась неотъемлемой частью имперской политики в землепользовании и торговле, а также она была переориентирована на внутренний рынок России и Украины. Начинается своеобразное «замещение» шляхетского сословия российским дворянством за счет изъятых и конфискованных земель участников антицарских восстаний 1794, 1830–1831 и 1863 гг. Российская власть стремилась таким образом укрепить социальную опору в среде землевладельцев.

Присягнувшая на верность российской короне шляхта сохраняла неприкосновенность своего землевладения и приобретала все права и гарантии российского дворянства. Используя традиционную близость к западноевропейской экономической и культурной традиции, а также наработанный опыт торгового сотрудничества с европейскими странами, юго-западный регион,

сохраняя крупное шляхетское (дворянское) землевладение, постепенно внедрял в крепостное натуральное хозяйство элементы капитализма. Важным элементом этого процесса стало усовершенствование и расширение вотчинных мануфактур во второй четверти XIX в. Ярчайший пример этого на Брестчине – суконные предприятия Пусловских в Хомске и Коссове [6, с. 123–132], а так же Скирмунтов в Поречье [3, с. 125]. Отметим, что если в первой четверти XIX в. новые предприятия открывали крупные землевладельцы (в основном российского происхождения), то начиная с 20-х гг. XIX в. в этот процесс начинают активно втягиваться местные средние и мелкие землевладельцы, предприятия которых развиваются в единстве со своей основой – усадьбой [3, с. 119–120].

Отмена в 1861 г. крепостного права и восстание 1863 г. на территории Беларуси изменили социально-экономическую ситуацию юго-западного региона. Начинается переход от сословного землевладения к бессословному. Многие участники антицарских выступлений лишились своих поместий, которые отошли государству, были переданы в аренду, подарены или выкуплены представителями русского дворянства.

Помещики католического вероисповедания были ограничены в возможности расширения своих земельных наделов. Еврейское сословие уже начиная с конца XVIII в. постепенно исключается из системы землепользования, лишаясь таким образом возможности конкурировать с шляхетским (дворянским) сословием. В свою очередь, продолжается активная политика расширения и поддержки землевладения русских дворян на территории Беларуси, особенно после конфискации поместий у активных участников антироссийского восстания 1863 г., и передача их в собственность или аренду представителям русского дворянства [6, с. 160].

В пореформенный период под влиянием аграрных кризисов второй половины XIX в. помещичьи хозяйства юго-запада Беларуси характеризуются ростом торгового земледелия и скотоводства, региональной специализацией, развитием ремесла и мелкокапиталистических предприятий. На протяжении всего столетия рост товарно-денежных отношений активизируется бла-

годаря расширению торговых связей за счет улучшения и активизации водных и сухопутных путей сообщения (шоссе Брест – Варшава, Брест – Москва, Огинский и Днепробугский каналы, железная дорога Варшава – Москва) [3, с. 125]. Все эти факторы привели к постепенному вытеснению крепостных отношений в сельском хозяйстве и переходу к новым, капиталистическим, принципам социально-экономического общественного уклада. В результате, лишившись дешевой крестьянской рабочей силы, многие усадьбы разорились и были ликвидированы или конфискованы и проданы российским государством. Другим пришлось приспособляться к новым капиталистическим условиям, реорганизовывая ведение своего хозяйства, основанное на наемном труде, специализации и развитии производства.

Экономические преобразования в Речи Посполитой, связанные с «волочной» реформой середины XVI в., запустили процессы преобразования сельских поселений и, в частности, шляхетских усадеб относительно их пространственно-планировочного размещения, структуры и функций. Это, в свою очередь, повлияло на трансформацию культурных традиций Центральной и Западной Европы в строительстве и оформлении шляхетского жилища. Жилище представителя шляхетского сословия имело несколько типов: усадьба-хутор с жилищными, оборонительными и хозяйственными функциями; загородная резиденция магнатов для увеселения и охоты; административный центр сельской округи; фольварок с приоритетной производственной функцией.

Особо отметим, что размещение шляхетских усадеб не коррелируется с сетью главных коммуникационных путей – трактов и рек. В основном выбор места будущей усадьбы исходил из объективно существующей локальной дорожной сети и водной системы: небольших рек, притоков, ручьев. Кроме того, учитывалась близость подвластного поселения, от которого усадьба, как правило, отделялась незначительной водной преградой (речкой, ручьем). На территории юго-западной Беларуси в XV – первой половине XVI в. доминируют типовые для ВКЛ однодворные поселения литвинских бояр, которые располагались вдоль локальных и значимых дорог. В 20–30-е гг. XVI в. в результате внутренней колониза-

ции территорий, приобретенных известными магнатскими родами Радзивиллов, Гаштольдов, Ходкевичей, Сапегов, появляются многочисленные усадьбы, которые утрачивают оборонительную функциональность и приобретают характер сельской «виллы» в комплексе с садами, парками и адаптированной водной системой. Только с 70-х гг. XVI в. люди, связанные с двором Бонны и Сигизмунда Августа и пришедшие на службу в Королевство Польское, способствовали распространению в Речи Посполитой традиции возведения «камениц» – каменных усадебных домов [13, с. 4–6].

Шляхетская усадьба на начальном этапе своего развития мало чем отличалась от усадьбы простолюдина и представляла собой небольшой двор с прямоугольным домом, гумном (столодой) и оборой (хлебом). Основным строительным материалом была древесина. Камень и кирпич использовались лишь при закладке фундамента, возведения погреба, печи или камина. Со временем происходит разделение «чистого» двора и хозяйственного, который с конца XVI в. все чаще называется «фольварок», в котором наряду с хозяйственными могли находиться жилые постройки для работников. Позже при развитии вотчинного производства появляются отдельные производственные комплексы (винокурные, или броварные, мельничные). Территория усадьбы огораживалась с возведением въездных ворот (брамы). В конце XVI в. ограда утратила оборонительную роль и превратилась в сооружения жилого и хозяйственного назначения, а в XIX в. ярусные ворота постепенно исчезают.

Иногда в усадьбах возводились культовые сооружения – часовни (каплицы) как в виде отдельно стоящих, так и пристроенных к дому строений. Весь комплекс построек зачастую был связан с натуральной или искусственной водной системой (реками, ручьями, ставами, каналами), которая не только играла эстетическую роль, но и выполняла оборонительную и производственную функции. Планировка домов эволюционирует от однокамерных до трехкамерных с пристройкой сеней и камор, функциональным разделением помещений (гостиная, спальня, кабинет, столовая и т. д.), изменяющейся симметрией.

Со второй половины XVI в. в шляхетский дом внедряется анфиладная планировка, когда все помещения объединялись в единое пространство, а при возведении больших и богатых сооружений использовали крестообразную композицию. Обязательным композиционным элементом усадебного дома было столбовое крыльцо (ганэк), которое превратилось в классицистический монументальный портик. Здания могли иметь внутреннюю и внешнюю штукатурку, или «шалевку». Кровли в господских домах доминировали двухскатные, двухъярусные, вальмовые, крытые гонтом, драпкой, соломой, камышом. В хозяйственных постройках кроме упомянутых использовались шатровые и ломаные кровли.

В XVIII в. происходит пространственно-планировочное преобразование некоторых усадеб, когда служебные (хозяйственные) сооружения (официны) размещаются симметрично с господским домом, образуя полузамкнутый парадный двор. В усадебный комплекс также входят многочисленные хозяйственные постройки разного функционального назначения: клеть, свиран, спихлер, пивница, погреб, склеп, бровар, млын, солодильня, конюшня, возовня, каретная, сырница, баня, пуня, одрина, гумно, стодола и т. д. Зачастую названия некоторых усадебных сооружений, одинаковых по функциональному назначению, в соответствии с региональными традициями в источниках не совпадают. Как отмечают историки архитектуры, в период с XVI до середины XVII в. шляхетские усадьбы постепенно теряют свои оборонительные функции и приобретают светские и хозяйственные черты [7, с. 14–25; 8, с. 18–21, 50–57].

В XVI – начале XVII в. появляются специализированные коллективы строителей, что стало важной предпосылкой формирования архитектурно-художественных школ Полесья. В конце XIX в. стал заметен регресс местных архитектурных школ, которые развивались и дробились под воздействием многочисленных культурных эклектических направлений [8, с. 14–16].

С распространением стиля барокко архитектура шляхетской деревянной усадьбы XVII–XVIII вв. обогатилась композиционно за счет сложной кровли, верхних этажей, алькежей, акцентированной конструкции крыльца. Однако с приходом клас-

сицизма со второй половины XVIII в. крыльцо приобретает более выразительные черты за счет монументального портика, а барочная подковообразная планировка здания выпрямляется и становится симметричной [8, с. 52–54].

Исходя из социально-экономических, культурных и природно-географических характеристик юго-западного региона Беларуси, где основным строительным материалом была, как известно, древесина, можно говорить о том, что деревянная архитектура этого региона, в т. ч. шляхетские усадьбы, характеризовалась постоянным поиском прогрессивных техник и художественных приемов, переработкой лучших достижений строительной мысли соседних территорий и каменной архитектуры. В результате созрели и закрепились местные национальные традиции, обогащенные осознанным международным опытом, художественными стилями и культурными течениями [8, с. 7–8].

Именно деревянная архитектура стала наиболее распространенным вариантом жилища средней и бедной шляхты. Основной причиной популярности и долговечности шляхетского господского дома стал ряд характерных черт: одноэтажный, деревянный, не сложный в строительстве, дешевый и удобный для проживания. Это обусловлено основами «сарматской» культуры и стремлением копировать более древние образцы и приемы строительства как бы для подтверждения тесной связи шляхетского бытия и мировоззрения с героическим рыцарским эпосом. Именно он заложил в среде образованного шляхетского сословия XVII в. основы «сарматской идеологии», в соответствии с которой благородный шляхтич-«сармат» должен был стоять на страже семейной традиции и национальных обрядов в противовес богатым дворцам и быту магнатов, перенимавших заграничные образцы и моду [15, с. 17–19].

Тесная связь высшего сословия Речи Посполитой с западноевропейским миром, основанная на геополитических, дипломатических, торговых контактах, родственных связях и моде, содействовала проникновению культурных тенденций и направлений в интеллектуальную и материальную сферы бытия местного шляхетства и магнатории. Барокко, рококо и классицизм оставили значительный след в мурованной усадебной

и резиденциональной архитектуре нашего региона. Именно вторая половина XVIII в. стала показательной в появлении значительных дворцово-парковых ансамблей на юго-западе Беларуси, например, резиденции Сапегов в г. п. Ружаны Пружанского района, более скромных резиденций Чарторыйских в д. Волчин Каменецкого района и усадьбы Немцевичей в д. Скоки Брестского района. Для классицизма и эклектики ярчайшим примером архитектурного мегапроекта первой половины XIX в. может служить резиденциональный комплекс Пусловских в г. Коссово Ивацевичского района.

Зачастую XVIII в. называют «золотым веком» в истории усадебной и резиденциональной архитектуры. Мурованные усадебные и дворцовые комплексы возводились в соответствии с веяниями архитектурной и интерьерной моды. Место их локализации выбиралось, как правило, исходя из живописности окружающей природы, но в то же время недалеко от населенного пункта. Пристальное внимание уделялось въездным воротам (брамам), которые зачастую были увенчаны гербами и монограммами. Ярким примером тому служат ворота в Сапеговский резиденциональный комплекс в г. п. Ружаны Пружанского района.

Дворцовый комплекс XVIII в. состоял из трех основных элементов: дворца, территории хозяйственного комплекса и эстетического ландшафтного окружения. В зависимости от финансовой состоятельности, вкуса, модных и культурных предпочтений хозяина оформлялся интерьер, менялись принципы планировки дома, где появились многочисленные спальни, салоны, кабинеты, каморки и т. п. Хозяйственный (фольварочный) комплекс прирастал всеми необходимыми производственными и складскими сооружениями для полноценного и продуктивного функционирования. Доминирующий в барокко французский стиль парка во второй половине XVIII в. начинает сдавать свои позиции, а на его место приходит английский стиль оформления прилегающей к дворцу территории [15, с. 22–30].

Таким образом, магнаты, обладавшие значительными финансовыми возможностями, имевшие амбиции и стремившиеся продемонстрировать свою культурно-цивилизационную интегрированность в европейскую культуру, возводили свои резиденции,

привлекая иностранных архитекторов по «обкатанным» на просторах Западной Европы образцам. Для архитектуры всех подобных памятников, которые уже не несли оборонительных функций, а были визуализацией и репрезентацией социального статуса, была характерна величественность, пышность, масштабность, эмоциональность и даже театральность. Им была присуща детализация проектов, основанных на последних достижениях европейской архитектурной мысли. Они предусматривали создание архитектурного комплекса в симбиозе с природным, а также искусственно измененным и адаптированным ландшафтом. Это отразилось в создании парковых систем французского и английского типов со сложными водными системами.

Историки архитектуры сегодня признают, что характерной чертой памятников гражданской архитектуры второй половины XVIII в. на территории Беларуси является сосуществование и взаимное дополнение барочно-рокайльных и классических традиций, а на рубеже XVIII–XIX вв. классицизм в архитектуре дворцово-парковых комплексов занял доминирующее место [5, с. 118–119].

Причину изменений в идейной концепции шляхетской усадьбы надо искать в XVI в. Став одним из основных собственников земли, шляхта, поначалу строившая укрепленные и скромные усадьбы, начинает постепенно делать упор на функции отдыха и управления хозяйством, а также акцентировать внимание на социальном статусе владельца [12, с. 15–17]. Первоначально усадьба (шляхетский двор) представляла собой комплекс построек с жилищной и хозяйственной функцией. С середины XVI в. под усадьбой подразумевался одноэтажный дом, а со второй половины столетия в Речи Посполитой появляются «мурованные» двухэтажные дома, возведенные в стиле ренессанса, который доминировал до первой четверти XVII в. [14, с. 63]. Специфика приграничных районов обусловила доминирование до конца XVII в. усадеб с выраженными оборонительными чертами [9, с. 68]. Например, усадьба в д. Достоево Ивановского района имела въездные массивные ворота и обводной оборонительный ров с ограждением.

Со второй половины XVII в. начали ощущаться новые культурные влияния, в

результате чего появляются усадьбы в стиле барокко, а в первой половине XVIII в. к нему добавляется рококо, зародившийся как стиль внутреннего убранства. Сооружения в стиле барокко доминируют до середины XVIII в., когда на смену ему пришел классицизм. В конце XVIII в. происходят существенные изменения в облике усадеб. В этот период отмечается тенденция к активному копированию менее богатой шляхтой мурованной магнатской архитектуры (небогатая шляхта старалась проецировать архитектурные традиции на свои деревянные дома). Например, в стремлении копировать центральный вход с классическим портиком более скромные деревянные усадьбы имели «ганэк» (крыльцо) с поддерживающими колоннами. Такие классические формы активно использовались до середины XIX в. [11, с. 10–11]. Яркими примерами этих тенденций на юго-западе Беларуси являются шляхетские усадьбы в урочище Меречевщина Ивацевичского района, д. Достоево Ивановского района, д. Заосье Барановичского района.

Расцвет светской культуры во второй половине XVIII в. стал закономерным результатом распространения идей Просвещения на просторах Речи Посполитой, а соответственно, и на старобелорусских землях. Богатые землевладельцы, в первую очередь магнатское сословие, стали посредниками в знакомстве наших земель с культурным и идейным наследием Западной Европы. Именно эти тенденции привели к противостоянию новых идей с традиционным сарматским культурным укладом, характерным для шляхетского сословия Речи Посполитой. Это трансформировало духовную культуру высшего сословия в нечто самобытное, замешенное на шляхетском традиционализме, магнатском высокомерии и вседозволенности, стремлении к европейской образованности, модности и визуальным эффектам. В результате в высшее сословие проникает неукротимая конкуренция в процессе репрезентации своего быта и образованности, демонстрации культурных приоритетов и их материализации в архитектуре, искусстве, театре, литературе [2, с. 277–285].

Таким образом, в широком историческом срезе можно отметить, что под влиянием геополитических событий с последую-

ющими экономическими преобразованиями XV в. шляхетские усадьбы начинают формироваться на юго-западе Беларуси в первой половине XVI в. В этот же период с увеличением экономической и политической роли магнатов расширяются их владения, что становится мощным фактором развития отдельных регионов и трансляции ими новых культурных достижений Западной и Центральной Европы. Такими примерами воплощения европейских культурных достижений могут послужить выдающиеся памятники архитектуры юго-запада Беларуси – Ружанская и Коссовская резиденции. Средняя шляхта зачастую наследовала и копировала жизнь магнатов, что отразилось в соответствующих архитектурных традициях строительства и обустройства усадебных домов, напомилавших мини-дворцы. Хорошим примером реализации таких стремлений может служить усадьба Немцевичей в д. Скоки Брестского района. Сменив оборонительные функции на репрезентативные, шляхетские усадьбы и резиденции становились не только административными центрами по управлению хозяйством, но и центрами науки и культуры вплоть до начала XX в.

На юго-западе Беларуси шляхетские усадьбы и резиденции с 20-х гг. XX в. претерпели значительные изменения, превратившись в «польский двор» после включения этого региона в состав Польши. Однако после Второй мировой войны этот феномен исчезает вместе со шляхетским сословием как на территории Западной Беларуси, так и на территории самой Польши [11, с. 12].

Заключение

Шляхетская усадьба стала одним из важнейших элементов социально-политической, экономической и культурной жизни белорусских земель XVI–XIX вв. и была важнейшей составляющей формирования культурного ландшафта юго-запада Беларуси в обозначенный период. Она стала не только жилищем представителей шляхетского сословия, но и строго организованным и спаянным комплексом, включавшем господский дом, официну, хозяйственные строения, коммуникативные пути и вспомогательные сооружения, вписанные в природный и культурный ландшафт конкретного микрорегиона. Кроме того, усадьба

не только стала центром концентрации хозяйственной деятельности и производства, но и аккумулировала в себе культурные традиции, обряды и духовные ценности. Двор шляхтича имел специфический климат и атмосферу, которые создавали природа и ее обитатели совместно с жителями прилегающих фольварков и деревень. В основе лежали семейные ценности и патриотизм, которые цементировали этническую, а затем и национальную культуру. Все это на протяжении веков вдохновляло на плодотворное творчество белорусских писателей, художников, поэтов, общественно-политических деятелей.

С учетом географических особенностей рассматриваемого региона, в частности его пограничное расположение на стыке двух мощных культурно-политических механизмов – русинского (позднее литвинского и российского) и польского, необходимо

принять во внимание объективные процессы культурной и этнической диффузии. Таким образом, можно утверждать, что на Брестчине произошло непосредственное слияние западных и восточных традиций в шляхетской духовной и материальной культуре. Это нашло свое отражение в шляхетской усадебной и резиденционной архитектуре, где доминирующее положение заняли памятники деревянной зодчества. Возведение этих архитектурных памятников было сопряжено с непрерывным поиском и использованием прогрессивных техник и приемов строительства с учетом достижений строительной мысли соседних народов и каменной архитектуры. В результате в юго-западном регионе Беларуси сформировались и закрепились местные национальные архитектурные традиции, обогащенные западноевропейским опытом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. : в 3 т. / Ф. Бродель. – М. : Прогресс, 1986–1992. – Т. 1 : Структуры повседневности: возможное и невозможное. – 1986. – 623 с.
2. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2000–2011. – Т. 3 : Беларусь у часы Рэчы Паспалітай (XVII–XVIII ст.) / Ю. Бохан [і інш.]. – 2004. – 344 с.
3. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2000–2011. – Т. 4 : Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / М. Біч [і інш.]. – 2005. – 519 с.
4. Гладышук, А. А. Замок Берестейский : в 3 кн. / А. А. Гладышук. – Гродно : ЮрСа-Принт, 2017–2019. – Кн. 2 : Литва. – 2018. – 312 с.
5. Самусік, А. Ф. Помнікі гісторыі і культуры Беларусі : вучэб. дапам. / А. Ф. Самусік. – Мінск : БДЭУ, 2004. – 209 с.
6. Эканамічная гісторыя Беларусі : вучэб. дапам. / В. І. Галубовіч [і інш.] ; пад агул. рэд. В. І. Галубовіча. – Выд. 2-е, дап. і перапрац. – Мінск : Экаперспектыва, 1995. – 432 с.
7. Якимович, Ю. А. Зодчество Белоруссии XVI – середины XVII в. : справ. пособие / Ю. А. Якимович. – Минск : Наука і тэхніка, 1991. – 368 с.
8. Якімовіч, Ю. А. Драўлянае дойдліства Беларускага Палесся: XVII–XIX ст. / Ю. А. Якімовіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1978. – 152 с.
9. Adamczyk, J. L. Fortyfikacje stałe na polskim przedmurzu od połowy XV do końca XVII wieku / J. L. Adamczyk. – Kielce : Politechnika Świętokrzyska, 2004. – 249 s.
10. Baczkowski, K. Wielka Historia Polski. Dzieje Polski późnośredniowiecznej : v 3 t. / K. Baczkowski. – Kraków : Bertelsmann Media, 2000. – Т. 3. – 327 s.
11. Grochecki, K. Dwory i pałace Lubelszczyzny na tle wydarzeń historycznych / K. Grochecki // Dwory i pałace Lubelszczyzny w badaniach archeologicznych / pod red. E. Banasiewicz-Szykuły. – Lublin : Wojewódzki urząd ochrony zabytków w Lublinie, 2011. – 192 s.
12. Wielka Historia Polski : v 15 t. – Kraków : Fogra, 1998–2003. – Т. IV : Dzieje Polski i Litwy (1506–1648). – 2000. – 416 s.
13. Maroszek, J. Dwór i rezydencja ziemiańska w krajobrazie kulturowym Podlasia / J. Maroszek, E. Rogalewska // Europejskie dni dziedzictwa regionu Podlasia. Tykocin – Kurowo – Choroszcz,

17–18 września 1994. – Białystok : Regionalny Ośrodek Studiów i Ochrony Środowiska Kulturowego w Białymstoku, 1994. – 27 s.

14. Rolska-Boruch, I. Siedziby szlacheckie i magnackie na ziemiach zwanych Lubelszczyzną. 1500–1700: założenia przestrzenne, architektura, funkcje / I. Rolska-Boruch. – Lublin : KUL, 1999. – 564 s.

15. Żenkiewicz, J. Dwór polski i jego otoczenie. Kresy Północno-Wschodnie / J. Żenkiewicz. – Toruń : Adam Marszałek, 2008. – 173 s.

REFERENCES

1. Brodel', F. Material'naja civilizacija, ekonomika i kapitalizm XV–XVIII vv. : v 3 t. / F. Brodel'. – M. : Progress, 1986–1992. – T. 1 : Struktury povesiedniewnosti: vozmozhnoje i nievozmozhnoje. – 1986. – 623 s.

2. Historyja Bielarusi : u 6 t. / redkal.: M. Kasciuk (hal. red.) [i insh.]. – Minsk : Ekapierspiektywa, 2000–2011. – T. 3 : Bielarus' u chasy Rechy Paspalitaj (XVII–XVIII st.) / Yu. Bokhan [i insh.]. – 2004. – 344 c.

3. Historyja Bielarusi : u 6 t. / redkal.: M. Kasciuk (hal. red.) [i insh.]. – Minsk : Ekapierspiektywa, 2000–2011. – T. 4 : Bielarus' u skladzie Rasijskaj impieryi (kaniec XVIII – pachatak XX st.) / M. Bich [i insh.]. – 2005. – 519 s.

4. Gładyszchuk, A. A. Zamok Bieriestiejiskij : v 3 kn. / A. A. Gładyszchuk. – Grodno : JurSa-Print, 2017–2019. – Kn. 2 : Litva. – 2018. – 312 s.

5. Samusik, A. F. Pomniki historyi i kul'tury Bielarusi : vucheb. dapam. / A. F. Samusik. – Minsk : BDEU, 2004. – 209 s.

6. Ekanamichnaja historyja Bielarusi : vucheb. dapam. / V. I. Halubovich [i insh.] ; pad ahul. red. V. I. Halubovicha. – Vyd. 2-je, dap. i pieraprac. – Minsk : Ekapierspiektywa, 1995. – 432 s.

7. Yakimovich, Yu. A. Zochiestvo Bielorusii XVI – sieriediny XVII v. : sprav. posobije / Yu. A. Yakimovich. – Minsk : Navuka i tekhnika, 1991. – 368 s.

8. Yakimovich, Yu. A. Draulianaje dojlidstva Bielaruskaha Paliessia: XVII-XIX st. / Yu. A. Yakimovich. – Minsk : Navuka i tekhnika, 1978. – 152 s.

9. Adamczyk, J. L. Fortyfikacje stałe na polskim przedmurzu od połowy XV do końca XVII wieku / J. L. Adamczyk. – Kielce : Politechnika Świętokrzyska, 2004. – 249 s.

10. Baczkowski, K. Wielka Historia Polski. Dzieje Polski późnośredniowiecznej : v 3 t. / K. Baczkowski. – Kraków : Bertelsmann Media, 2000. – T. 3. – 327 s.

11. Grochecki, K. Dwory i pałace Lubelszczyzny na tle wydarzeń historycznych / K. Grochecki // Dwory i pałace Lubelszczyzny w badaniach archeologicznych / pod red. E. Banasiewicz-Szykuły. – Lublin : Wojewódzki urząd ochrony zabytków w Lublinie, 2011. – 192 s.

12. Wielka Historia Polski : v 15 t. – Kraków : Fogra, 1998–2003. – T. IV : Dzieje Polski i Litwy (1506–1648). – 2000. – 416 s.

13. Maroszek, J. Dwór i rezydencja ziemiańska w krajobrazie kulturowym Podlasia / J. Maroszek, E. Rogalewska // Europejskie dni dziedzictwa regionu Podlasia. Tykocin – Kurowo – Choroszcz, 17–18 września 1994. – Białystok : Regionalny Ośrodek Studiów i Ochrony Środowiska Kulturowego w Białymstoku, 1994. – 27 s.

14. Rolska-Boruch, I. Siedziby szlacheckie i magnackie na ziemiach zwanych Lubelszczyzną. 1500–1700: założenia przestrzenne, architektura, funkcje / I. Rolska-Boruch. – Lublin : KUL, 1999. – 564 s.

15. Żenkiewicz, J. Dwór polski i jego otoczenie. Kresy Północno-Wschodnie / J. Żenkiewicz. – Toruń : Adam Marszałek, 2008. – 173 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 23.01.2022